

Н.В. СПОДАРЕЦ

(Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова,
г. Одесса, Украина)

УДК 821.161.1
ББК Ш5(2Рос=Рус)5

ЭССЕИСТИКА ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ОБ А.С. ПУШКИНЕ: ПРОБЛЕМА ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ И ЖАНРОВОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. В статье прослежено, как процесс модернизации критического сознания поэтов Серебряного века, выраженный интенцией к эссеизации, означает в текстообразовании статей о Пушкине.

Ключевые слова: Серебряный век, Александр Пушкин, текстообразование в жанре эссе.

Модерные интенции поэтов Серебряного века эксплицировались не только в поэтической, но и в литературно-критической практике, которая часто характеризовалась склонностью к эссеистичности. По мере становления модернистского типа сознания в многообразии жанровых форм литературной критики преобладающим оказывался жанр эссе.

Во-первых, почему именно этот жанр? Как в процессе модернизации литературного сознания поэтов Серебряного века изменяется стратегия текстопорождения и, соответственно, жанровые модели их литературно-критических статей? Ответы на эти вопросы будут даны в процессе нашего анализа *критических статей Ин.Ф. Анненского, Д.С. Мережковского, В.Я. Брюсова*, посвященных А.С. Пушкину.

В осмыслении феноменологии эссеизма значимы заключения М. Эпштейна, который отмечал, что «эссе... стало особо популярным в романтических и экзистенциальных системах мировоззрения, продолживших и углубивших движение индивидуальности к самообоснованию»¹. Это движение как путь многовекторной творческой самоидентификации писателей своеобразно означивался и в плане содержания, и в плане выражения всех форм их литературной деятельности.

В объяснении актуализации эссе, а точнее интенции к эссеизации в критической практике поэтов Серебряного века, необходимо учитывать структурно-функциональные особенности данной жанровой модели и сам тип модерного творческого сознания, историческое бытие

¹ *Эпштейн М.Н.* Парадоксы новизны. О литературном развитии. М. : Сов. писатель, 1988. С. 336.

которого концептуально и поэтологически идентифицировалось только в определенных жанрово-стилевых системах.

Обращение поэтов к эссеистике связано, очевидно, с онтологическими возможностями текстопорождения в рамках данной жанровой модели, к которой в поисках адекватности интуитивно вышел модернистский тип творческого сознания, с доминирующим в нем рефлексивным началом. Рефлексия есть обращенность мышления на самого себя – собственное знание, его содержание, способы познания и идентификации, подвергая критическому анализу содержательную и инструментальную стороны сознания.

В период смены аксиологических ориентиров культурного сознания конца XIX – начала XX веков, сопровождающейся рефлексивной активностью, творческий субъект в большей мере обращался к своему внутреннему опыту, в структуре которого для поэтов-модернистов значимым был и его художественно-эстетический потенциал как основа творческой креативности.

Л.Г. Кайда, исследуя феномен эссеизма в русской литературе, отмечает: «Многовековой путь трансформации жанра эссе на российской почве – от “Слова о...” до наших дней – привел к сосуществованию двух типов эссеистики: литературной – в художественной словесности и нелитературной – в нехудожественной»².

Н.Б. Руженцева, развивая аргументацию М.Н. Эпштейна, делает заключение: «...в любом типе эссе... жанрообразование и текстопорождение идет одновременно», «рождается не только высказывание, но и сам тип его – научный или художественный, дневниковый или проповедческий» (М.Н. Эпштейн)³.

В жанровых типологиях эссе чаще всего относят к специфической форме очерка или статье-размышлению, в которых «предмет... рассматривается не в упор, как в научном сочинении, а сбоку, служит предлогом для разворачивания мысли, которая, описав полный круг, возвращается к самой себе, к автору как точке отбытия и прибытия... Подлинный, хотя и не всегда явный предмет эссе – это сам автор», – отмечает М.Н. Эпштейн⁴.

Вспомним, что инстанции автора в литературном тексте могут быть очень широкими: это и герой, и субъект сознания, и субъект

² Кайда Л.Б. Эссе: стилистический портрет // URL : http://www.libma.ru/jazykoznanie/yesse_stilisticheskii_portret/index.php

³ Руженцева Н.Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2001. С. 8.

⁴ Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии. С. 338.

оценки объектно-предметного и субъектного ряда, моделируемого в тексте мира, и субъект речи с характерными речевыми тактиками и стратегиями, и коммуникант внутритекстовой и межтекстовой коммуникации и др. Следовательно, в тексте, где *предметом становится авторская оценка*, как, например, в эссе, *фактором его жанровой модели* может выступать любая из отмеченных авторских инстанций, практически – это всегда ряд инстанций, означенных в плане содержания и в плане выражения текста. И так как предмет авторской рефлексии в эссе – неограниченный спектр объектов и вопросов бытия, то содержательный уровень текстов дает очень слабые основания для концептуальной разработки системных типологических признаков жанра и, следовательно, основ жанрового кода. В этой связи за эссе закрепилась репутация «максимально свободной, “аморфной” литературной формы»⁵, а некоторые теоретики поставили под сомнение жанровый статус эссе вообще.

Представляется, что в *плане выражения* писательской эссеистики означаются их художественно-эстетические интенции. В процедуре *литературоведческой идентификации авторских жанровых моделей* писательской критики творчески реализованные коды этих интенций могут быть прочитаны в систематике показателей письма, дискурсии, архитектоники и речевой стихии текста, вплоть до функции и структуры образа автора – организатора прагматической ситуации текста, его рецептивно-эстетического потенциала и стратегии.

Прагматическая ситуация порождения текста любого жанра определяется фактором субъекта, адресата, цели и объекта (содержанием коммуникации). Прагматическая же стратегия эссе в значительной степени задается аксиологией автора, представленного в тексте определенной субъектной формой сознания и речевого действия. Вместе с тем, эссеист раскрывается и как человек с характерным типом мышления, и как субъект, нацеленный на разные коммуникативные тактики, и как личность особого эмоционального строя, на что в своей докторской работе обратила внимание Н.Б. Руженцева⁶.

Руководствуясь данной теоретической установкой, проследим, как процесс модернизации критического сознания поэтов Серебряного века эксплицируется в текстообразовании литературно-критических исследований об А.С. Пушкине и что отличает их авторские жанровые модели.

⁵ Руженцева Н.Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века. С. 12.

⁶ Там же. С. 9-11.

Для всех представителей Серебряного века, в силу образовательной традиции воспитанных на классическом искусстве, но аксиологически нацеленных на разработку новой поэтической культуры, новых принципов творчества, художественное наследие А.С. Пушкина и его культурный миф оказались особо притягательными, несмотря на неоднозначное отношение к ним.

В целом модернистская литературная критика в своей оценочной позиции не ограничивалась формулой «или–или», а иллюстрировала многообразие подходов к явлению, которое охватывалась по принципу «и...и...», тем самым, закладываясь опция интегрирующего взгляда, ставшая продуктивной в критическом сознании XX века.

И если «эстетический культ Пушкина был родовой метой двух последних десятилетий XIX века»⁷, то поэты-модернисты, включаясь своей критикой в эту оценочную линию, расширяли область концептуализации феномена А.С. Пушкина: *художника слова*, связанного с определенными культурными и литературными традициями и закладывавшего новые традиции; *глубокого мыслителя*, представленного в горизонте национальной и общеевропейской культуры, поднимавшего и решавшего сложнейшие онто-экзистенциальные проблемы; *личности*, связанной с исторически конкретным и культурным бытием и др.

Для модернистов феномен А.С. Пушкина – это не только *проблема творческого гения во всей ее парадигме, это и вопрос сущности личностного, исторического и национального бытия, который этот гений постиг и оказался способным художественно раскрыть в своих произведениях; проблемы генетической связи творческих явлений прошлого и настоящего и др.*

Очевидно, что у каждого писателя вообще, и у поэтов Серебряного века в частности, сложилось свое отношение к А.С. Пушкину как культурному мифу и своя степень освоения его художественного наследия. *Глубоко личностным переживанием и отношением* характеризуются индивидуально-авторские концепции образа и творчества А. Пушкина, представленные в литературной критике данного периода. В этом мы убеждаемся, обратившись к текстам статей Д.С. Мережковского «Пушкин» (1896), Ин.Ф. Анненского «Пушкин и Царское Село» (1899) и В.Я. Брюсова «Пушкин в Крыму» (1908).

Для Д.С. Мережковского А.С. Пушкин – *мыслитель и мудрец*, как и каждый гений, одаренный божественным даром в творческом акте постигать сущностное. Его «мудрость» выражалась в пафосе творче-

⁷ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 167.

ства «заздравной песней Вакху во славу жизни, вечного солнца, золотой меры вещей – красоты»⁸. «Искусство для него – вечная игра... Веселая мудрость Пушкина не имеет ничего общего с едкой иронией Байрона. Веселость Пушкина лучезарная, играющая, как пена волн, из которых вышла Афродита. В сравнении с ним все другие поэты кажутся *тяжкими* и мрачными – он один, *светлый и легкий*, почти не касаясь земли, скользит по ней, как эллинский бог...»⁹. Этот критический дискурс показателен оценочным лексиконом, вызывающим ассоциации с понятийным рядом досократиков и гностиков. В систематике этого дискурса моделируется художественно яркий, эстетически выразительный и потому рецептивно продуктивный образ поэта. Но дискурс статьи при этом становится знаком оценочного горизонта Д.С. Мережковского, в критическом мышлении которого очевидны интенции к эссеизации.

Согласимся с Н.П. Лебеденко: «Можно с полным правом говорить о том, что статья Д. Мережковского “Пушкин”, предлагающая первую символистскую концепцию творчества гениального русского поэта, легла в основу всех последующих интерпретаций его творчества»¹⁰.

Примечательно, что Д.С. Мережковский в конце статьи ставит вопрос своим современникам: «Все готовы почтить его (Пушкина) мертвыми устами, мертвыми лаврами – кто почтит его *духом и сердцем?*»¹¹

Представляется, что Ин.Ф. Анненский в своей статье стремился найти ответ на этот вопрос. Для Ин.Ф. Анненского, давшего оценку А.С. Пушкину в единственной юбилейной статье (1899) – это человек «горячего и смелого *сердца*, которому бог дал ... дивный дар мелодией слов сладко волновать *сердца*»¹². Столь образная оценка поэта отвечает тому понятийному ряду, какой критик связывал с проблемой коммуникативно-эстетического потенциала искусства и деятеля искусства, к миру которого приобщается читатель. Образ *сердца* в тексте статьи выступает символическим маркером пространства встречи А.С. Пушкина – человека «горячего» сердца, носителя божественного поэтического дара и его читателей, которые способны постичь во всей полноте

⁸ Мережковский Д.С. Пушкин // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М. : Сов. писатель, 1991. С. 157.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Лебеденко Н.П. Пушкин и русский символизм. Одесса : Маяк, 1998. С. 102.

¹¹ Там же. С. 211.

¹² Анненский И.Ф. Книга отражений. Серия «Литературные памятники». М. : Наука, 1979. С. 304.

феномен царскосельской лирики. В содержательно-смысловой структуре статьи образ сердца реализован и как сквозной мотив, и как основной концепт авторской концептосферы, и как мифологема авторского литературно-критического мифа.

Для В.Я. Брюсова, написавшего более 80 статей об А.С. Пушкине, он – в первую очередь, *мастер*, которого отличала высокая поэтическая культура. Статьи о мастерстве А.С. Пушкина в основном были направлены на исследование области поэтики произведений писателя. В.Я. Брюсову принадлежат работы о малоизученных вопросах пушкинистики: статьи «Стихотворная техника Пушкина», «Звукопись Пушкина». Включался он и в острую научную полемику: статьи «Гаврилиада», «Медный всадник».

Но как литератора-энциклопедиста, отличавшегося широким горизонтом знаний и творческих умений, способного прочитывать коды истинного художественного мастерства на разных уровнях анализа произведения, В.Я. Брюсова А.С. Пушкин привлекал и типом творческой личности. Отсюда интерес критика к вопросам историографии не только творчества, но и жизненного пути поэта. Литературно-критическая статья «Пушкин в Крыму» показательна оценочной точкой зрения критика по вопросу такого порядка, мерой субъективного и объективного в этой оценке, избранной В. Брюсовым позицией организатора текста сообщения, мастера письма.

В самом концептуальном охвате критикой Серебряного века А.С. Пушкина – прецедентного явления русской культуры, очевидны и общие основания. Они заданы новой эпистемологической парадигмой эпохи, расширившей горизонт трактовки понятия творческого субъекта до проблемы онтологии и функционирования его сознания, сопряжений области личностной, творческой, этноментальной, религиозной и общекультурной. Поэтому Д.С. Мережковский рассуждает об А.С. Пушкине как о национальном гении и выразителе *национального сознания*. В.Я. Брюсов и Ин.Ф. Анненский также сосредоточены на факторах *формирования мышления, ценностных ориентиров* А. Пушкина-человека и художника, который находит отклик в русских сердцах.

План содержания статей поэтов-модернистов охватывает ряд *оригинальных концептуальных решений*, таких как:

– в статье Д.С. Мережковского «Пушкин» – идея гениальности А.С. Пушкина-человека и писателя, проявленной ясностью и художественной простотой слога, за которым редкая мудрость и глубина мысли. Творческий показатель этой исключительной мудрости А.С. Пушкина Д.С. Мережковский усматривает и в склонности его авторского художественного сознания к концепции примирения плоти

и духа, что иллюстрируется критиком в процессе достаточно тенденциозного анализа художественных произведений поэта. Вывод Д.С. Мережковского: «Поэзия Пушкина представляет собой редкое во всемирной литературе, а в русской единственное явление гармонического сочетания, равновесия двух начал...»; «В Пушкине мыслитель и художник сливаются в одно существо»; «В настоящее время мы переживаем ... убыль пушкинского духа в нашей литературе»¹³;

– в статье Ин.Ф. Анненского «Пушкин и Царское Село» – трактовка царскосельского периода творчества А.С. Пушкина (шесть лет: октябрь 1811 – июнь 1817 гг.; второе прибытие летом 1831 г. после женитьбы) и самого образа Царского Села как характерных локусов (парка и лица), сформировавших способности «горячего», т.е. чуткого сердца поэта, склонного к глубокому постижению проблем жизненной реальности и к сильным внутриличностным переживаниям, дружеским порывам. С точки зрения Ин. Анненского, этими этическими, эмоциональными и интеллектуальными («мыслительными») способностями А.С. Пушкина-человека и соответствующим строем его поэзии во многом объясняется читательское восприятие (читательская реакция «сердцем») творчества поэта;

– в статье «Пушкин в Крыму» В.Я. Брюсова – мысль о путешествии А.С. Пушкина по Тавриде не как наказания «сочинителя “возмутительных” стихов, “наводнившего” ими всю Россию», а как периода «счастливейших» дней его жизни. Весь содержательный план статьи подчинен реализации авторского концепта Крыма как места вдохновения Пушкина. При этом критик замечает, «чтобы полно охарактеризовать жизнь Пушкина в ту эпоху, необходимо разобрать его отношения к отдельным членам семьи Раевских, определить влияние на него Байрона, с которым он тогда ближе ознакомился, выяснить, насколько отразились на его творчестве новые впечатления». Цель В.Я. Брюсова – «установить, так сказать, его подробный “дорожник”», «итинерарий»¹⁴.

Руководствуясь наблюдениями очевидцев путешествия и современников поэта, В.Я. Брюсов факт посещения поэтом Бахчисарая трактует как переломный в его чувственно-эмоциональном становлении, делая при этом общий вывод о значимости Крыма в творческой биографии поэта. Статья В.Я. Брюсова, мышление которого в большей степени рационально и логоцентрично, чем мышление Д.С. Мережковского и Ин. Анненского, строится как научное сообщение, вклю-

¹³ Мережковский Д.С. Пушкин. С. 198-212.

¹⁴ Брюсов В.Я. Пушкин в Крыму // Брюсов В.Я. Собр. соч. : в 7 т. М. : Худож. лит., 1975. Т. 7. С.30.

чающее моменты фактографической конкретизации и типологизирующего порядка. Но совершенно очевидно, что поэт-модернист и в своей литературно-критической практике не смог ограничиться только целью научно-исследовательского характера.

В отмеченной нами статье В.Я. Брюсова сама форма литературно-критической оценки, мотивация отбора материала и способ его организации подчеркнута субъективные, брюсовские, выраженные характерной полемичной модальностью текста, новой функциональной ролью автора в нем:

1) как субъекта критического сознания, в широком диапазоне переживающего свое субъективное понимание Пушкина-человека и его крымского окружения. Например, моделирование В. Брюсовым эмоциональной и психологической реакции поэта на «Г. Геракова, смешного... литератора, гордившегося тем, что он знал Державина и что Денис Давыдов написал к нему шесть стихов.... Вероятно, Гераков произвел на Пушкина самое неблагоприятное впечатление. По крайней мере, нигде далее в своих “записках” Гераков, который еще не раз встречался с Раевскими, не упоминает о других беседах с Пушкиным. Может быть, говоря о “колкой правде”, которую будто бы смиренно выслушивал Пушкин, Гераков разумел свои собственные речи. Пушкин, разумеется, не обратил никакого внимания на мелочные нападки “старозаветного” литератора, над которым давно перестали даже смеяться, и это-то пренебрежение и показалось Геракову “смирением”¹⁵;

2) как субъекта речевого действия в рамках моделируемого жанрового мира статьи и адресанта сообщения, регулирующего горизонт предметно обусловленной субъектной коммуникации в системе отношений автор – читатель.

Очевидно, что содержание рассматриваемых нами статей Д.С. Мережковского, Ин.Ф. Анненского и В.Я. Брюсова о Пушкине характеризуется *исследовательской направленностью*. Явная установка на литературоведческое исследование в них была спровоцирована и культурной ситуацией конца XIX – начала XX веков, которая отличалась острой дискуссией научной мысли вокруг имени и творческого наследия А.С. Пушкина.

В полемике, намеченной еще литературной критикой XIX века вокруг проблемы А.С. Пушкин-мыслитель, Д.С. Мережковский обозначил свою позицию апологета поэта статьей «Пушкин». Ин.Ф. Анненский и В.Я. Брюсов в критических статьях доказательно решали острую научную проблему: в первой статье – фактор царскосельско-

¹⁵ Брюсов В.Я. Пушкин в Крыму. С. 33.

го, во второй – крымского периодов в творческом становлении А.С. Пушкина. Но для писателя-модерниста исследовательская задача могла быть только поводом, а не целью литературно-критической работы.

В соответствии с общей интегративной стратегией жанровородового мышления поэтов Серебряного века, их литературная критика строилась на новых представлениях о потенциальных возможностях такого вида творческой деятельности. Очевидно стремление к *функциональному расширению авторских инстанций в тексте статьи* – концептуально формируемом авторском мире, и в системе отношений: автор – текст – читатель. В этой связи намечались и изменения в прагматике текста.

Усиление эссеистического компонента в текстообразовании рассматриваемых статей в первую очередь связано с расширением функционального и структурного статуса *авторского Я* в сравнении с классическими литературно-критическими статьями XIX века. Глубинное **субъективное переживание** Д.С. Мережковским, Ин.Ф. Анненским и В. Брюсовым **феномена А.С. Пушкина и его наследия** не в равной степени, но актуализируется в содержательно-смысловых структурах текстов статей: наиболее выразительно и системно в статьях Д.С. Мережковского и Ин. Анненского.

Именно эссеистика, отличаясь особой пластичностью жанрово-стилевой структуры, позволяла поэтам-модернистам не только дать профессиональную оценку наследия конкретного писателя или отдельных его произведений, что и предполагает литературно-критическая статья, но в авторски означенном дискурсе эксплицитно свое творческое решение, а в нашем случае, – инвариант авторского творческого мифа А.С. Пушкина. В соответствии с аксиологическими доминантами творческого сознания, креативная интенция автора реализовывалась и в плане содержания такого литературно-критического текста-мифа, и в плане его выражения.

Рассматриваемые нами литературно-критические статьи характеризуются полистилевой структурой: по показателям речевой организации констатируем интегрирование описания, рассуждения, включение различных речевых жанровых подсистем, но при этом интерпретационная манера авторов тяготеет к устойчивости. В статьях Ин.Ф. Анненского и В.Я. Брюсова это обеспечено однородностью авторского письма. В статье же Д.С. Мережковского констатируем нарушение этого принципа, которое, как представляется, вызвано изменением объекта авторской рефлексии в большом тексте: в начале статьи представлена авторская рефлексия на предмет А.С. Пушкин-человек, но

уже в конце первой части статьи критик переходит к проблеме А.С. Пушкин-писатель. Критический дискурс трех последующих глав формируется в режиме смены этих объектов рефлексии. С точки зрения классических представлений, здесь явно нарушена стратегия традиционной для критических статей предметной целостности текста (Пушкин-художник или Пушкин-человек). Это не упустили сразу же заметить оппоненты Д.С. Мережковского, оспаривавшие позиции авторской концепции творчества А.С. Пушкина, форму статьи, инкриминируя критику ее недоработку в целом. Но если текст статьи рассматривать как явление литературно-критического сознания переходного типа, то очевидно, что в ней означивается процесс поиска новых механизмов и стратегий текстопорождения, в котором доминирует фактор свободной и креативной творческой воли автора.

В *субъектной структуре* статей Д.С. Мережковского, Ин.Ф. Анненского и В.Я. Брюсова авторская позиция является определяющей, но не единственной. Это отражено и в композиционной организации текстов *приемом смены точки зрения*. Он позволял расширить оценочный угол зрения на феномен А.С. Пушкина. Поддержку в своей исследовательской аргументации поэты-модернисты находят в литературных источниках, оставленных современниками А.С. Пушкина: многочисленных воспоминаниях, дневниках, литературно-критических статьях, путевых заметках и т.д. Голоса современников поэта усиливали компонент достоверности фактографического материала статей. Но для критиков показательным является не столько факт исторической достоверности, сколько отношение их авторов к А.С. Пушкину. Это особо подчеркнуто в статьях Д.С. Мережковского и Ин.Ф. Анненского: в первом случае представляющего оценочные позиции в пользу Пушкин-мыслитель и художник, во-втором – Пушкин – человек горячего сердца. Фактография литературных источников в статьях Д.С. Мережковского и Ин.Ф. Анненского направлена на документальное подтверждение авторских мифологем и концептов, что соответствует дискурсу эссе.

Функция этого компонента текста в статье В.Я. Брюсова «Пушкин в Крыму» несколько иная. В ней представлены точки зрения Г. Геракова – автора «Путевых записок», раскрывших подробности путешествия поэта по Крыму, самого А. Пушкина как автора писем, передающего свои впечатления от путешествия, А. Муравьева-Апостола, который тем же летом 1820 года пребывал в Крыму и написал «Путешествие по Тавриде» (1823), С.Б. Броневского – градоначальника Феодосии, который в 1823 году издал «Новейшие исторические и географические известия о Кавказе».

В.Я. Брюсов в данной статье не просто апеллирует к пониманию читателя, способного вслед за автором выстроить причинно-следственные связи и постичь утверждаемую идею. Обогащенный опытом развертывания интриги в художественной прозе, писатель и в этой статье использует приём столкновения точек зрения субъектов высказывания, что, во-первых, значительно оживляет картины пейзажных и путевых зарисовок. Во-вторых, авторское Я получает основание для новых оценочных ракурсов, означенных поэтичностью мышления писателя.

Показательна общность критического дискурса Д.С. Мережковского, Ин.Ф. Анненского и В.Я. Брюсова в плане функционального включения литературных цитат, обращения к культурным реминисценциям и аллюзиям, сравнениям и противопоставлениям. Речевые обороты обыгрывания компонентов в текстах статей иллюстрируют органичную склонность творческого сознания поэтов-модернистов к образно-эмоциональной оценке. Такие источники включаются в их критический дискурс как элемент ассоциативно-образного выражения чувств и раздумий автора, что в тексте статей усиливает *эссеистический компонент*. Хотя в рассматриваемых нами эссе-исследованиях он не охватывает все уровни структуры статей, но и этого достаточно, чтобы тексты обрели новое типологическое качество образности и эстетической выразительности. Эстетизация мира литературно-критических статьи реализовывалась в их текстах «фактурой эссеизма»¹⁶.

В пользу эссеизации текстов статей работает и прием их открытой субъектной структуры, включавшей инстанцию читателя. Идентификация оценочной позиции авторского Я во всех статьях развернута в контексте монологизированного диалога в читателем, в тексте обозначенном разными номинациями, включая и местоименную форму *Вы*. Факт общей оценочной позиции с читателем, обозначен местоименной формой *Мы*. Например, в статье В.Я. Брюсова: «В этом приморском саду, среди колонн, горок и храмов, мы и вправе представлять себе Пушкина в Феодосии».

Такие новации в субъектной структуре критических статей соответствовали общей тенденции мышления поэтов Серебряного века к развитию прагматической стратегии текста.

Очевидно, что каждый поэт данного периода в критической практике разрабатывал свою систему приемов, нацеленных на оптималь-

¹⁶ Кругликов В.А. Возможности эссеизма в понимании культуры // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М. : ИФ РАН, 1995. С. 180.

ный рецептивный эффект текста у адресата-читателя. В рассматриваемых нами статьях авторы как определяющие участники прагматической ситуации выступают организаторами коммуникативного события, связанного с читательским постижением феномена А.С. Пушкина. В.Я. Брюсов, например, как организатор текста стремился не столько представить разные точки зрения, а, сознательно сталкивая субъектов речи с противоположными позициями, включает и адресата-читателя в поиск решения исследуемой проблемы. Тем самым он усложняет прагматическую ситуацию текстообразования, создает напряженный, модально акцентированный дискурс. Но если текст статьи В.Я. Брюсова характеризуется единичностью обозначенных форм монологизированного диалога с читателем, то в речевой структуре статьи Ин. Анненского они доминируют.

Во всех рассматриваемых нами текстах очевидна реконструкция классической монологической схемы «субъект» – «объект» в диалогическую «субъект» – «субъект».

Подчеркнем, что новая аксиологическая ориентация современного сознания поэтов Серебряного века координировала стратегию эссеистического текстопорождения, в котором нагрузка на суггестивные механизмы и прагматику в целом значительно возросла. Д.С. Мережковский, Ин.Ф. Анненский и В.Я. Брюсов тяготели к такому типу эссеистического письма, который не только и не столько убеждал, сколько формировал, конструировал реакцию и, следовательно, управлял уже ценностной ориентацией реципиента. Эти тексты отражают высокую филологическую культуру поэтов-модернистов, их повышенное внимание к речевой материи высказывания. Рассмотренные статьи можно определить как переходный тип литературно-критических практик поэтов-модернистов, на текстообразовательном уровне означивших аксиологические приоритеты их творческого сознания.